

Англійскій солдатъ о себѣ.

Отрывки изъ готовящейся къ печати новой книги **К. Чуковского.**

Изд. т-ва А. Ф. Марксъ.

I.

Солдатскія письма.

Солдатскія письма—созданіе нашей эпохи. Прежніе вѣка ихъ не знали. Не то, чтобы ихъ не было раньше, но раньше они были курьезъ, раритетъ, а теперь—бытовое явленіе.

Дѣло не въ отдѣльномъ солдатскомъ письмѣ, какъ бы ни было оно занимательно, а въ цѣлой Ніагарѣ этихъ писемъ, пускай однообразныхъ, банальныхъ, но затопившихъ собою весь міръ! Тѣмъ-то и дорого это явленіе, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога въ немъ откровеніе. Для изучателя массовой психики оно—драгоценнѣйшій кладъ.

Въ молчаніи, безъ рѣчей, какъ нѣмые, прошли по кровавымъ полямъ ратники московскихъ царей, легионаріи Цезаря, ландскнехты, конквистадоры, гунны, и вотъ, наконецъ-то, черезъ тысячи лѣтъ, впервые обрѣли они голосъ. Заговорила всѣми милліонами глотокъ!

Исторія сохранила для насъ лишь голоса полководцевъ, ихъ крылатыя слова и приказы, а къ

теперь же, напротивъ, молчатъ полководцы, окутанные непроницаемой тайной, молчитъ и Китченеръ, и Жоффръ, и Френчъ, но галдятъ, голосають оглушительно, какъ на грандиознѣйшей ярмаркѣ, тѣ многомилліонныя сонмища, которыя они ведутъ за собой.

Ихъ голоса—въ этихъ письмахъ, въ замусоленныхъ лоскуточкахъ бумаги, въ каракуляхъ «изъ дѣйствующей арміи»,—голоса уральцевъ, сибиряковъ, сингапурцевъ, шотландскихъ гвардейцевъ, ирландскихъ драгунъ, зуавовъ, казаковъ, бедуиновъ, новозеландцевъ, канадцевъ, чешскихъ и хорватскихъ соколовъ, прусскихъ уланъ, барабанщиковъ, санитаровъ, саперъ, самокатчиковъ, развѣдчиковъ, летчиковъ,—о, если бы собрать эту грудку, всѣ эти лоскутки и клочки, и прислушаться къ ихъ голосамъ:—какой вавилонскій, разноязычный галдежъ, громче самыхъ громкихъ громовъ, раздавался бы надъ нашей планетой!

Въ этихъ письмахъ воплощенъ не солдатскій, а народный, всенародный идеалъ, который воплощался доселѣ въ коллективныхъ народныхъ созданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ.

— Намъ не нужно Гомеровъ и Сассо, мы будемъ сами своими Гомерами! сказали эти милліоны людей и милліонами перьевъ на милліонахъ клочковъ пишутъ свою Илиаду.

II.

Русскія письма и англійскія.

Жаль, что доселѣ не собраны русскія солдатскія письма. Я увѣренъ, что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы въ нихъ, было бы духовной касоты удивительной. Можетъ-быть, передъ нами явился бы ликъ новаго Платона Крѣтаева, широчайшій, поэтическій образъ всемушкакой, всесла-

вянской души, а, можетъ-быть, другой, неожиданный, еще святѣе и благостнѣе.

Говорятъ въ этихъ письмахъ немало прирасъ, но мнѣ и не нужна ихъ правдивость. Развѣ въ небывальщинѣ народныхъ легендъ, народныхъ мифовъ и сказокъ не кроется самая вѣщая правда, передъ которой чаша правда житейская есть только ложь и миражъ? Правды о сердцѣ народномъ не заслоняютъ эти солдатскіе мифы; напротивъ, ее-то и выявляютъ! Въ нихъ-то она скажется лучше всего. Вникните хотя бы въ такое посланіе уральскаго (или донскаго?) казака:

«Стоимъ на рѣчкѣ Вислѣ, прудимъ ее германцами. Крови,—въ голенища заливаешь. Вода въ Вислѣ изъ бѣлой стала красной, рудой подплыла. И стала отъ этого Висла называться Нѣманомъ или Германомъ (!). А еще извѣщаю вамъ, дорогіе родители, батенька и маменька, что коня подо мною убили, природнаго нашего Бурчика, и досталъ я себѣ германскаго коня. Конь не плохой, а все... претъ въ Германцію, никакъ не удержишь».

Все здѣсь фантастично, раззолочено древне-пѣсеннымъ эпическимъ орнаментомъ: этотъ конь, который рвется въ Германцію; эта Висла, которая сдѣлалась Нѣманомъ, въ которой вода была «бѣлая», а нынѣ «рудой подплыла». Но развѣ сквозь эту поэтическую ложь не чувствуешь прелестно-пѣвучую душу щепетливаго Алеши Поповича.

И какая шемая прелесть въ этомъ священномъ обрядѣ крестьянскихъ деревенскихъ поклоновъ, занимающихъ больше половины письма:

«Пущено письмо отъ любезнаго брата вашего, рядового Юхима Хванасовича. Любезная сестра Настасья Хванасовна, посылаемъ вамъ низькой поклонъ отъ бѣлаго лица до сырой земли и еще кланяемся законному супругу вашему Мыкитѣ Ларивоновичу отъ бѣлаго лица до сырой земли, и еще кланяемся дочкѣ вашей Кульнѣ Мыкитышнѣ, и еще кланяемся своему хрещеннику О—рему Мыкитовичу и съ любовію низькой поклонъ отъ бѣлаго лица до сырой земли и пропышитъ намъ на счетъ его: чы они ходятъ, чи шетыльки лязятъ?»

И главное: въ основѣ этихъ писемъ лежитъ то несознанное религиозное чувство, которое прорывалось такими вулканами въ творчествѣ нашихъ народнѣйшихъ гениемъ: та же тревога о совѣсти, о Богѣ, о душѣ, о праведной, правильной жизни.

И подписано:

— «Душа русскаго человѣка».

Душа эта очень безграмотная, что ни слово, то орфографическій перлъ,—но право же—въ ней что-то апостольское. Всѣ ея проклятія, оказывается, рождаются не злобой, а жалостью, какой-то фантастической прелестной мечтой о спасеніи всего человѣчества.

Въ письмахъ англійскихъ солдатъ нѣтъ ни апокалипсиса, ни былинъ, ни анаэмы. Тамъ Висла не становится Нѣманомъ, тамъ проза не становится стихами, тамъ не кланяются Окулыиѣ Мыкитишнѣ «отъ бѣлаго лица до сырой земли».

Тамъ почти всегда протоколь: «Такого-то числа, въ такомъ-то мѣстѣ, приключилось то-то и то-то».

Видно, что вся эта громада людей прошла сквозь фабрики, конторы и школы, что вся она впитала въ себя однообразный газетный шаблонъ и для выраженія самыхъ небывалыхъ эмоций располагаетъ лишь готовыми формулами.

Въ то, время, какъ безсознательнымъ идеаломъ русскаго солдатскаго письма являются пѣсня, былина, ча-стушка, (а порою и Давыдовъ псаломъ), безсознательный идеаль Томми Аткинса—газетная корреспонденція, репортерскій отчетъ, точнѣйшее описаніе факта. Фактъ—для британца все. Въ мѣрѣ фактовъ онъ—хозяинъ и царь. Наблюдаетъ онъ ихъ гениально; описываетъ съ такимъ аппетитомъ и въ то же время такъ методично, отчетливо, что стоитъ только собрать эти письма британскихъ солдатъ, и у васъ получится классически-точная хроника всѣхъ эпизодовъ кампаніи.

Съ русскими солдатскими письмами это никакъ невозможно. Въ нихъ интересъ не столько фактической, сколько психологической, бытовой матеріаль. Факты въ нихъ зыбки и смутны, главное же въ нихъ—«психея», душа. Въ области психеи мы всѣ виртуозы; недаромъ же психологическій Достоевско-Толстовскій романъ впервые зародился въ Россіи. Въ этомъ, можетъ-быть, наше проклятiе, но, право, у насъ иной гимназистъ, по сложности своей душевной жизни, по изощренности душевнаго опыта, превзойдетъ всѣхъ Гексли и Спенсеровъ.

Тѣ рядомъ съ нимъ какъ-то мило-наивны, неопытны, простодушны и, при мудрыхъ сѣдинахъ своихъ, юны. Характерно въ письмахъ британскихъ солдатъ отсутствіе самонаблюденія, самоанализа; когда собирателямъ англійскихъ писемъ понадобилось повѣдать читателю, что ощущаетъ солдатъ, впервые попавшій въ огонь, они во всемъ огромномъ своемъ матеріалѣ не нашли почти ни слова объ этомъ. И имъ поневолѣ пришлось обратиться къ письмамъ русскаго рядового Иванова.

Въ одномъ такомъ сборникѣ такъ прямо и сказано:— «Самый яркій, живой и подробный отчетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ подъ адскимъ огнемъ современныхъ баталій данъ русскимъ артиллеристомъ, раненымъ, въ письмѣ изъ петроградскаго госпиталѣ».

Въ другомъ сборникѣ, чуть дѣло дошло до психологіи, тоже (поневолѣ!) цитируются русскія солдатскія письма.

Тамъ приводятся такія показанія о первыхъ ощущеніяхъ подъ огнемъ:

— «Въ первыя минуты жутковато, но потомъ очень весело, хорошо на душѣ. Такое чувство свободы и радости среди ежеминутныхъ смертей!»...

«Становишься какимъ-то другимъ человѣкомъ,—свидѣтельствуетъ второе письмо,— и въ этомъ новомъ состояніи души совершенно легко и естественно дѣлаешь тѣ заурядныя вещи, которыя у насъ называются подвигами».

И это отнюдь не случайность. Наблюдать надъ собою, надъ своею душой британскій солдатъ не охотникъ. Онъ сверхъестественно зорокъ на внѣшнее,—на

Скульптура А. Пожарскаго.

факты и факты; онъ изобразить, какъ никто, всѣ мельчайшія детали сраженія: гдѣ стояла какая колонна, и куда она двинулась, и зачѣмъ, и когда, онъ съ бухгалтерскою точностью приведетъ вамъ всѣ даты и цифры; но слѣдить за собою, за смѣной своихъ ощущеній, за отбѣнками своихъ настроеній,—это ему неинтересно и чуждо.

Русскіе же безъ «психологіи» ни шагу, самый психологическій народъ во всемъ мѣрѣ! Самонаблюдатели ярые. Это и въ нашихъ романахъ, и въ каждомъ солдатскомъ письмѣ... Поневолѣ англичанамъ приходится заимствовать такія письма у насъ.

За то по ихъ письмамъ такъ легко конструировать всю исторію этой грандіозной войны,—для чего, повторяю, совсѣмъ непригодны русскія солдатскія письма.

Томми Аткинсъ замѣняетъ теперь англичанамъ упраздненнаго военнаго корреспондента. Поэтому главное, чего они ждуть отъ него, это подробныя и точныя реляціи о различныхъ боевыхъ эпизодахъ. Изъ этихъ писемъ они жаждутъ узнать, какъ происходило сраженіе подъ Монсомъ, чѣмъ кончилось отступление къ Парижу. Имъ дороже всего о с в ѣ д о м и т е л ь н ы й характеръ этихъ писемъ; они сами заявляютъ объ этомъ. Одинъ лондонскій журналистъ говоритъ:

«Военные корреспонденты устарѣли прежде, чѣмъ успѣли состариться. Проволочный телеграфъ ихъ соиздалъ, а беспроволочный — ихъ уничтожилъ. Конечно, было очень пріятно получать съ такой быстротой самыя свѣжія новости, но непріятель, перехвативъ ихъ своимъ аппаратомъ, прочтетъ ихъ еще раньше, чѣмъ мы, и вывѣдаетъ все, что ему нужно, о вашихъ силахъ и стратегическихъ планахъ».

«По этимъ-то причинамъ наши арміи отправились на эту величайшую въ мѣрѣ войну—безъ единого военнаго корреспондента, словно это не баталія двадцатаго вѣка, а средневѣковый крестовый походъ. И когда будущій историкъ задумаетъ запечатлѣть для потомства тотъ героическій эпосъ, который теперь потрясаетъ Европу, онъ не найдетъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ сухихъ официальныхъ отчетовъ, да тѣхъ свѣдѣній, которыя добыты газетчиками у бѣженцевъ и раненыхъ солдатъ».

Впрочемъ, есть и еще матеріаль, драгоцѣннѣйшій: письма, писанныя самими солдатами своимъ близкимъ съ поля сраженія. Этими письмами вполне искупаются отсутствіе профессиональныхъ корреспондентовъ».